

СУМКА ПОЧТАЛЬОНА

Коля был добрый, но очень рассеянный мальчик. Он написал письмо к своей бабушке в Петербург: поздравлял её со Светлым праздником, описывал свою деревенскую жизнь, чему он учится, как проводит время. Но только Коля вместо письма вложил в пакет пол-листа чистой бумаги, а письмо осталось лежать в книге, куда Коля его сунул. Пакет запечатан, адрес написан, почтовая марка приложена – и пустая половинка листа бумаги отправилась в Петербург поздравлять бабушку с праздником.

Вёрст пятьсот проскакал Колин пакет, точно топорясь по какому-то важному делу. Вот он в Петербурге, а через несколько минут и в сумке почтальона, который бежит по улицам, звонит у подъездов и раздаёт письма по адресам. Но Колиному пакету не жалось в сумке; он, как все пустые существа, был очень болтлив и любопытен.

– Вы куда отправляетесь и что в вас написано? – спросил пакет Коли у своего соседа – толстого, красивого пакета из веленевой бумаги, украшенного большой гербовой печатью, на которой была княжеская корона и множество украшений.

Богатый пакет отвечал не сразу; он сначала посмотрел, с кем имеет дело, и, видя, что дерзкий, осмелившийся вступить с ним в разговор, был глянцеви́тый, чистенький пакетец, удостоил его ответа.

– По адресу, который на мне написан, мой милый малютка, вы уже можете заключить, что я еду к очень

и очень важному лицу. Представьте же себе, как-во мне лежать в этой тёмной и вонючей сумке, рядом с такими пакетами, каков, например, мой сосед с левой стороны. Жаль, что вы не видите этого серого, запачканного уroda, запечатанного каким-то хлебным мякишем вместо сургуча и какой-то солдатской пуговицей вместо печати; и адрес-то какой на нём? Каракули! И едет-то он куда? На Петербургскую сторону, в Немощёную улицу, и то ещё в подвал. Фи, невольню испачкаешься, лёжа возле такого соседа!

– Я не виноват, что нас положили рядом, – отвечал сурово солдатский пакет, – и мне, признаюсь, скучно лежать возле такого надутого, но пустого и глупого барина, как ты. Обёртка-то твоя хороша; но что в середине? Всё пустые фразы, в которых нет ни слова правды. Тот, кто писал тебя, терпеть не может того, к кому ты написан; а между тем, посмотри, сколько желаний, искренних поздравлений и в конце – глубочайшее уважение и совершенная преданность! А всё это вздор и ложь! Нет тут ни уважения, ни преданности, и попробуй-ка от этого покорнейшего слуги попросить какой-нибудь действительной услуги, тогда и узнаешь, чем пахнет эта услужливость и уважение.

– Грубиян, невежа, как ты смеешь! Я удивляюсь, как почтальон не выкинет тебя на улицу за такие дерзости! Ты посмотри только на мой герб.

– Что герб! – отвечал грубо солдат. – Герб у тебя хорош; но под гербом-то что? Пустышка, глупые фразы! Ни одной капли правды, всё гордость да чванство.

Гербовый пакет готов был лопнуть с досады, и лопнул бы, наверное, если бы в это самое время почтальон не вытащил его из сумки и не передал раззолочённому швейцару.

– Слава Богу! Одним дураком меньше, – продолжал расходившийся солдатский пакет, – и это глупое, надутое животное смело ещё досадовать, что лежит вместе со мной... Если бы только он знал, что во мне написано!

– Что же такое написано в вас? – спросил Колин пакет, очутившийся по соседству с серым пакетом, запечатанным солдатской пуговицей.

– Да вот что, мой любезный, чистенький господинчик. Я несу известие бедной дряхлой старушке, что сын её, о котором она не слыхала уже лет десять, с тех самых пор, как взяли его в рекруты, жив, здоров и скоро будет в отпуск. Правда, я запечатан плохим сургучом; но как будет дрожать рука старушки, разламывая этот сургуч! Правда, я написан каракульками – и немудрено, меня написал солдат, выучившийся этому искусству самоучкой, писал куда плохим пером и на самой серой бумаге; но если бы ты видел, какая тёплая слеза скатилась и упала на меня! Славная слеза! Я бережно несу её матери. Я знаю, что меня ожидает славная участь, не то что гордого барина, который, слава Богу, убрался восвояси. В него едва заглянут, а потом разорвут и бросят сначала под стол, а потом в помойную яму. Мою же каждую каракульку мать одарит доброй горячей слезой, прочтёт меня тысячу раз, тысячу раз прижмёт к своему

любящему сердцу и спрячет потом на груди, на своей доброй материнской груди. Эх, поскорее принёс бы меня этот несносный почтальон!

– А вы куда и с чем отправляетесь? – спросил любопытный Колин пакет, обращаясь к своему соседу с другой стороны, пакету с чёрной печатью.

– По цвету моей печати, – отвечал тот, – вы видите, что я несу грустную новость. Бедный мальчик, который теперь лежит в больнице, прочтёт во мне, что его отец скончался. Я также всё облито слезами, но только не радостными слезами. Меня писала дрожащая рука женщины, потерявшей своего любимого мужа, – рука матери, извещающей больного сына, что он потерял отца. Бедный Ваня! Как-то он перенесёт это известие? Я воображаю, как испугается он, увидев мою зловещую печать; как задрожит, прочтя во мне страшную новость; как упадёт лицом на свою подушечку и зальётся слезами. Эх, право, лучше бы мне провалиться сквозь землю, чем ехать с таким известием!

Рука почтальона, остановившегося около какого-то учебного заведения, вытащила из сумки печальное письмо с чёрной печатью. У Колиного письма очутился новый сосед, и этот был уже совсем иного свойства.

– Ха! ха! ха! – отвечал он на вопрос Колиного письма. – Если бы вы только знали, какие уморительные вещи во мне написаны! Человек, написавший меня, превесёлого нрава; я знаю, что тот, кто будет читать меня, непременно захохочет; во мне всё

написаны пустяки, но всё такие забавные пустяки.

Другие письма, услышав разговор, также в него вмешались. И каждое спешило высказать, какую новость оно несёт.

– Я несу богатому купцу известие, что товары его проданы по высокой цене.

– А я несу другому весть, что он банкрот.

– Я иду бранить Васю, что он так давно не пишет к своим родителям.

– Меня писал деревенский дьячок от имени Акулины Трифоновны к её мужу в Петербург, и я сверху донизу набито поклонами.

– А во мне что ни слово, то ложь; даже совестно ехать с таким грузом, право!

В разговор вмешались и повестки.

– То-то обрадуется тот, кто получит меня, – сказала одна повестка.

– Есть чему радоваться, – перебила другая, – ты только на десять рублей, а я на пять тысяч.

– Но тот, кому я адресована, – отвечала первая, – не знает, чем разговеться в праздник, а на тебя не обратят и внимания.

– Обрадуется и мне молодчик, к которому я послана; прокутит он денежки в два-три дня, спустит он их все по трактирам да кондитерским; как будто не знает, что матери, которая их посылает, стоила много труда и лишений каждая копейка в этой сотне рублей и что она даже свою маленькую дочь оставила к празднику без подарка.

Так болтали между собою в сумке почтальона повестки и письма; а он между тем бегал по улицам и равнодушно разносил по домам радость и горе, смех и печаль, любовь и злобу, дружбу и ненависть, правду и ложь, важные известия и глупые, пустые фразы. Дошла, наконец, очередь и до Колиного письма; почтальон отдал его дворнику, дворник – горничной, горничная – старой бабушке, которая сидела у окошка и, смотря в четыре глаза, вязала чулок. Бабушка распечатала пакет, вынула пустой лист и долго смотрела на него с удивлением, не понимая, кто это так глупо подшутил над нею.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

День был осенний и пасмурный. Прибыв на станцию, с которой должно было мне своротить на Горюхино (так называлась наша деревня), нанял я вольных и поехал просёлочной дорогой. Хотя я нрава от природы тихого, но нетерпение вновь увидеть места, где провёл я лучшие свои годы, так сильно овладело мной, что я поминутно погонял моего ямщика; ямщик погонял свою тройку, но мне казалось, что он, по обыкновению ямскому, уговаривая лошадей и размахивая кнутом, всё-таки затягивал вожжи. Наконец я завидел горюхинскую рощу и через десять минут въехал на барский двор. Сердце моё сильно билось: я смотрел вокруг себя с волнением необыкновенным. Восемь лет не видал я Горюхина. Берёзки, которые